

ТИХИЙ ШОРОХ УХОДЯЩИХ ШАГОВ.

(сон в двух действиях)

Действующие лица:

Александр, 43 года.

Дмитрич, его отец.

Наталья.

Людмила.

Зина.

Анна, старшие сестры Александра.

Юрасик, друг Дмитрича.

Альберт, медиум.

Олег, муж Людмилы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Картина 1.

Дмитрич и Юрасик сидят под деревом. Рядом лопаты, воткнутые в землю, ведра, веревки. Видно, что мужчины, в ручную, копали глубокую яму.

ЮРАСИК. Дмитрич, шкурку не выкидывай... ай, глухой совсем стал...

ДМИТРИЧ. Печет сегодня.

ЮРАСИК. А?

ДМИТРИЧ. Печет сегодня.

ЮРАСИК. Громче говори, глухой стал совсем!

ДМИТРИЧ. Сегодня печет, говорю.

ЮРАСИК. Нет, зачем, вчера пекла, хватит. Колбасу тоже вчера жарила.

ДМИТРИЧ. Да, и вчера жарило, и сегодня, даже очень.

ЮРАСИК. Ну, так конечно очень! Вкуснотища! Бабка готовит - будь здоров, роту накормит.

ДМИТРИЧ. Да, тут и рота не справится, куда нам-то с тобой тут таскаться. Сейчас поедем, докапаем, и все на сегодня, завтра обкладывать будем. Хватит. Устал.

ЮРАСИК. Кто упал?

ДМИТРИЧ. Да не упал. Устал.

ЮРАСИК. Кто устал?

ДМИТРИЧ. Я устал!.. Дурак глухой...

ЮРАСИК. Ай, не наговаривай на себя – старость есть старость. Что уж с нас взять. Все-таки не третий десяток.

ДМИТРИЧ. Какой десяток? Яйца? Не, не знаю. Юрасик, я в ценах этих совсем не разбираюсь. Моя-то, все магазины оббегает пока спички купит – все, где подешевле ищет. А чего искать, если оно только дороже может быть, дешевле-то кто тебе сделает?

Юрасик смотрит на Дмитрича.

ЮРАСИК (*через паузу*). Сделают. Там сейчас не дураки сидят. А то, что оно дорожает все, это оно да...

ДМИТРИЧ. Я хоть по магазинам не часто, но тоже вижу. Да и старая моя говорит, что дорожает.

Юрасик снова смотрит на Дмитрича.

ЮРАСИК (*через паузу*). Да померла твоя старая уж, чего языком-то мелешь... Пора, Дмитрич, пора успокоиться, пора.

ДМИТРИЧ. Успокоишься тут... Как же успокоишься. 52 года вместе. Ком вот тут...

ЮРАСИК. Чего?

ДМИТРИЧ. Да ничего...

Молча едят.

ЮРАСИК. Зато детей пятеро. Хорошо.

ДМИТРИЧ. Чего?

ЮРАСИК. Детей пятеро – хорошо!

ДМИТРИЧ. Детей-то? Четыре дочки и Сашка.

ЮРАСИК. Старшой?

ДМИТРИЧ. Кто?

ЮРАСИК. Сашка, говорю старшой?

ДМИТРИЧ. Он майор уже. Старшой, ха...

ЮРАСИК. Да я не про армию, я говорю из детей Сашка старшой-то?

ДМИТРИЧ. Ну, так бы и спрашивал, а то «старшой-старшой»! Младший он, Сашка-то, младший... потом Анька, потом Зинка, Люда, и Наташка, старшая она. А Сашка... Сашка единственный кто нас с бабкой-то не забывает. Эти-то разлетелись... но оно и правильно, я понимаю... понимаю...

Молча едят.

ДМИТРИЧ. Но ведь можно-то и звонить изредка, а тут Людка только на новый год позвонила и все, да Анька еще забежит. А Сашка - он не забывает, только не ладится у него чевось.

ЮРАСИК. А?

ДМИТРИЧ. Сашка, говорю... не забывает.

ЮРАСИК. Это да. Сашка молодец у тебя.

ДМИТРИЧ. Так я и говорю – молодец! Не забывает никогда. Мать, вон, тоже сам схоронил. У нас-то откуда деньги... Нет, мы откладывали на книжку, но оно сам понимаешь. Как похоронные соберешь – инфляция эта, на крышку гроба уже не хватает.

А он прилетел, сразу все устроил, быстро так. Молодец... молодец, быстро схоронил, молодец.

ЮРАСИК. Ну, это уж их обязанность нас хоронить... Мы им все... они, вот, нам тоже должны...

ДМИТРИЧ. Это да...

Едят.

ДМИТРИЧ. Старуха моя все время им говорит: «Мне, как есть. Лишь бы вам». Воды нагреет, хлеба наломает, сахару немного, и чавкает. Сашка все тянул ее зубы вставить, уже и с врачом договорился, а она все: «Мне, как есть, лишь бы вам», а потом как-то говорит мне, мол, боится она врачей этих. Боюсь, говорит, и все.

ЮРАСИК. Ну, а кто их врачей любит?

ДМИТРИЧ. Да, так... скоро вот и меня Сашке придется хоронить... кому ж кроме него...

ЮРАСИК. Ты это... замолчи! Что Богом дано – все твое, а раньше об этом не думай, тем более: вслух не говори. И чего разволновался? Похоронит. Сам знаешь, что похоронит. Все как у людей будет, а то и лучше. Дмитрич, ты чего?

ДМИТРИЧ. Прихватило что-то...

ЮРАСИК. А я говорил. Чего ты разволновался?

ДМИТРИЧ. Сейчас попустит.

ЮРАСИК. Сейчас попустит, жара вон сегодня, сейчас попустит. На, вона, хлебни...

Квас, квас, холодненький.

ДМИТРИЧ. Юрасик, таблетки, там, в подсобке... не встану...

АЛЕКСАНДР. Зачем мы вышли? Верни!

АЛЬБЕРТ. Это могло вас убить. Вы сейчас находились в теле своего отца, в его разуме, понимаете, вы могли умереть вместе с ним.

АЛЕКСАНДР. Но мы ведь так и не узнали что нужно.

АЛЬБЕРТ. Если бы и узнали, это было бы вам уже незачем. Еще несколько секунд и вы бы умерли, как и ваш отец от сердечного приступа.

Александр встает с кушетки, ходит по комнате. Альберт наблюдает за ним.

АЛЕКСАНДР. Но ведь так нельзя! Я плачу вам деньги! Вы должны мне показать все, абсолютно все!

Альберт молчит. Александр снова садится на кушетку.

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Скажите честно, зачем вам все это?

АЛЕКСАНДР. Я же вам сказал. Правду сказал. Единственное, что я хочу узнать любил ли меня мой отец.

АЛЬБЕРТ. Но ведь итак понятно, что любил.

АЛЕКСАНДР. Нет. Непонятно. Мне не понятно. Это все слова. Тем более, что ничего конкретного. Он назвал меня молодцом, сказал о том, что я единственный остался, скажем так, рядом, но ведь конкретного он ничего не сказал.

АЛЬБЕРТ. Послушайте, мне кажется, вы немного преувеличиваете...

АЛЕКСАНДР. Это мое дело!.. Извините. У нас всегда были странные отношения в семье.

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Вы говорили с теми, с кем он последнее время был близок? С родственниками, соседями, там, с кем он еще общался?

АЛЕКСАНДР. А как? Как это должно выглядеть? Что я у них спрошу: «вы не знаете, любил ли меня отец или нет?». Это бред. Абсурд.

Пауза.

Александр и Альберт долго сидят молча.

АЛЕКСАНДР. Давайте попробуем еще. За два месяца до смерти у него был день рождения, может быть там что-то станет ясно.

АЛЬБЕРТ. Подождите, мне нужно проверить. Скажите мне число и месяц.

АЛЕКСАНДР. Третье мая... это в прошлом году.

АЛЬБЕРТ. Я понимаю...

Альберт закрывает глаза. Какое-то время сидит неподвижно.

К нему на мобильный приходит СМС. Альберт открывает глаза. Читает СМС, откладывает телефон в сторону.

АЛЬБЕРТ. Извините...

Некоторое время Альберт смотрит в одну точку. Снова перечитывает СМС.

АЛЬБЕРТ. Извините...

Альберт снова закрывает глаза. Какое-то время сидит неподвижно.

АЛЬБЕРТ. В этот день ваш отец был один. Целый день он был дома. К нему ни кто не приходил, было несколько телефонных звонков, я не вглядывался, но вы звонили точно...

АЛЕКСАНДР. Да, я звонил.

Альберт снова берет телефон, вертит его в руке, но снова откладывает в сторону.

АЛЕКСАНДР. Что-то важное?

АЛЬБЕРТ. Да... Нет... Простите...

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я вас не задерживаю? Мы можем еще просто поговорить? Спросите еще что-нибудь, может, появится зацепка... я оплачу.

АЛЬБЕРТ. Я не психолог. Говорите просто так, что хотите. За это я с вас денег не возьму. Просто говорите, что-нибудь, без разницы что.

Альберт берет телефон, убирает его в ящик стола.

АЛЕКСАНДР. У вас что-то случилось?

АЛЬБЕРТ. Моя дочь в коме.

АЛЕКСАНДР. Если вам нужно идти...

АЛЬБЕРТ. Нет, идти мне куда не нужно... Она скоро умрет. Ей всего 27. И я ничего не могу сделать. Она говорит, что устала...

АЛЕКСАНДР. Простите, я немного не понимаю...

АЛЬБЕРТ. Я общаюсь с ней, примерно так же, как и вы с отцом – я погружаюсь в ее сознание. Каждое утро, чтобы не тревожить ее вечерами, я смотрю, что с ней происходит, о чем она думает, чего она хочет. Она говорит только одно: «Я устала».

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях. Мои соболезнования. То есть, скорейшего выздоровления вашей дочери... Простите.

АЛЬБЕРТ. Да... Ей всего 27. Ее мотоцикл подрезал золотой... да какие они золотые, Господи, в общем сын какого-то чиновника. Понятное дело все замаяли, изменили что-то, подтасовали... А она в коме, и она теперь еще и виновата. Ее сделали виноватой. А ей всего 27, она в коме, и скоро... скоро она уйдет. Я это знаю. Не смотрите так, она постоянно говорит об этом... она устала... в 27...

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Простите. Давайте попробуем продолжить. Скажите, ваш отец никогда не приходит к вам во сне?

АЛЕКСАНДР. Приходит.

АЛЬБЕРТ. Он разговаривает с вами?

АЛЕКСАНДР. Очень редко.

АЛЬБЕРТ. А что он делает? Расскажите, быть может я смогу помочь.

АЛЕКСАНДР. Очень часто он приходит ко мне в нашем старом доме. Он сидит на лавочке у калитки, а я постоянно пытаюсь вытянуть ведро из колодца. С водой ведро.

АЛЬБЕРТ. Что он говорит?

АЛЕКСАНДР. Он молчит. Он смотрит, как я кручу ручку и молчит... и курит.

АЛЬБЕРТ. А какое у него лицо? Что оно выражает?

АЛЕКСАНДР. ... Я не знаю... не могу сказать. Он смотрит как я кручу и немного улыбается, знаете, как будто говорит мне: «слабак». Я от этого злюсь, пытаюсь крутить быстрее, но ведра даже не видно, а он снова улыбается. Глазами. И я снова кручу. До бешенства.

АЛЬБЕРТ. Вы говорили, что он редко, но все же что-то говорит вам.

АЛЕКСАНДР. Он говорит, что он никого там не ждет. Он говорит, что я слишком спешу. Он говорит, что я должен следить за остальными. У меня еще 4 сестры. Но сами понимаете, следить за всеми я не могу. Все уже давно взрослые... Я младший в семье.

АЛЬБЕРТ. А какие отношения были у вашего отца с сестрами?

АЛЕКСАНДР. Да, наверное, такие же, как и у всех. Девочек всегда любят больше мальчиков.

АЛЬБЕРТ. Вы не думаете, что ваши поиски ответов это в некотором роде ревность?

АЛЕКСАНДР. Нет, что вы.

АЛЬБЕРТ. Очень на это похоже. Нет, не подумайте, я вас ни в чем не обвиняю.

АЛЕКСАНДР. Поймите, я младший в семье, единственный мальчик, отец очень странно воспитывал меня. Мать... да, я видел, что она меня любит, так же как и всех остальных, но отец был постоянно со мною строг.

АЛЬБЕРТ. Как он прожил последний год? Я так понимаю, что он замкнулся после смерти вашей матери.

АЛЕКСАНДР. Это не замкнутость, просто он очень сильно переживал. Рядом всегда была Аня, моя сестра, но он не разрешал ей помогать ему, да и у нее немного было на это времени. Она многодетная мать, муж погиб, маленькие дети, три дочки, за всем нужно следить, плюс квартира и так далее, сами понимаете.

АЛЬБЕРТ. А где в это время были вы?

АЛЕКСАНДР. Я служил. Уволился только после смерти отца, и вернулся. Я предлагал Ане переехать к отцу, когда мама умерла, но она не хотела, у отца был крутой нрав, а тут еще и дети. Правда, он после маминой смерти поутих. Остальные сестры все разъехались, Наташка даже на похороны не смогла приехать.

АЛЬБЕРТ. Это связано с отношениями в семье?

АЛЕКСАНДР. Нет, она живет в Лондоне...

АЛЬБЕРТ. Понятно.

АЛЕКСАНДР. Нет, Лондон это городок в Канаде. Это намного дальше, чем Лондон английский. А Зина... я даже не знаю, что говорить... она тоже живет в городе, но с отцом совсем не поддерживала отношений. Они разругались после смерти матери, Зина приехала пьяная на похороны, устроила истерику... сами понимаете, ситуация не из лучших.

АЛЬБЕРТ. Но это можно понять, потеря близкого человека...

АЛЕКСАНДР. Зина учитель младших классов. Тихий алкоголик. Не понимаю, как она может так работать и жить, но она на хорошем счету в школе, просто она пьет. Не могу назвать это болезнью, но это ненормально точно.

АЛЬБЕРТ. Сейчас дом пустует?

АЛЕКСАНДР. Нет. Я в нем живу. После смерти отца я уволился из вооруженных сил и вернулся.

АЛЬБЕРТ. Думаю, что ваши сны могут быть навеяны обстановкой в доме. Попробуйте избавиться от старых вещей напоминающих вам о родителях, может быть сделать ремонт, хотя бы косметический.

АЛЕКСАНДР. Да, мы делали ремонт, правда, только в спальне. Знаете, было жутковато, ночью мы легли с Аней спать и слышим, как обои в соседней комнате отклеиваются, будто родители были против.

В столе звонит телефон Альберта.

Он открывает ящик стола, берет телефон.

АЛЬБЕРТ (*говорит по телефону*). Да... так... вы же обещали мне анализы на этой неделе, вы же сами говорили, что времени почти нет... Ясно. А ускорить?... Ускорить сколько? Я плачу... Сколько нужно... Нет, вы мне прямо скажите – сколько нужно?... Так это не от вас зависит или вам неудобно? Что вы мнетесь. Говорите сколько вы хотите!.. Не можете сказать, так пришлите СМС!

Альберт бросает телефон на стол.

Пауза.

Через несколько секунд на телефон Альберта приходит СМС. Он читает сообщение, выключает телефон, убирает его в ящик стола.

АЛЬБЕРТ. Странное это понятие – совесть...

Картина 2.

Александр лежит, укутавшись с головой в одеяло. В окно стучат. Александр ворочается, в окно продолжают стучать. Александр встает с кровати.

АЛЕКСАНДР. Кто?

АННА. Сашка, это я.

АЛЕКСАНДР. А, иду.

Александр встает с кровати, надевает штаны и рубашку, идет к двери, открывает. На пороге стоит Анна в плаще и домашних тапочках.

АЛЕКСАНДР. Ань, чего поздно-то так?

АННА. Фух, накурил в доме, не продохнуть, проветрил бы хоть. Я пока всех уложила.

АЛЕКСАНДР. Что случилось?

АННА. Случилось-случилось. В общем...

АЛЕКСАНДР. Что позвонить не могла?

АННА. Наташка приехала.

АЛЕКСАНДР. Так. У тебя остановилась?

АННА. У Зинки.

АЛЕКСАНДР. Как всегда, то ни слуху, ни духу, то на тебе! Ладно, хорошо, что приехала, сколько ж уже, почти восемь лет не виделись?

АННА. Послезавтра Людка приезжает, со своим, и все разом на кладбище поедем.

АЛЕКСАНДР. Понятно. Почему не позвонили?

АННА. Звонила я на домашний, так тебя целый день дома не было. Мобильник недоступен.

АЛЕКСАНДР. Да, забыл зарядить. А чего сюда не пришли?

АННА. Так ставь, заряжай. Наташка сказала, что после кладбища заедем, и поговорим обо всем.

АЛЕКСАНДР. Семейный слет. Хорошо. Как бы там ни было, хорошо.

АННА. Саш, Наташка предлагает дом продать.

Александр роется в карманах, достает сигареты, закуривает.

АННА. Ну, что ты куришь опять в доме.

Александр не обращая внимания на замечания Анны, продолжает жадно курить.

АННА. Хотят за эту неделю все успеть, Зинка говорит, что покупателя уже нашла.

АЛЕКСАНДР. Да, кого она нашла? Откуда?

Александр ходит кругами по комнате курит. Резко подходит к Анне, смотрит ей прямо в глаза.

АЛЕКСАНДР. Не отдам. Как хотите, а не отдам!

АННА. Да я сама не хочу...

Александр садится на стул, молчит. Через какое-то время рядом подсаживается Анна.

АННА. Чего кипятиться? Сашка, не отдадим мы им...

АЛЕКСАНДР. Ничего-ничего, я отойду сейчас.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. По бумажкам Наташка владелица, да?

АННА. Да.

АЛЕКСАНДР. Не весело. Людка знает, что они дом собрались продавать?

АННА. Я так поняла, что да.

АЛЕКСАНДР. Еще лучше. Да как же они...

Александр резко встает.

АННА. Сашка, успокойся. Не выкинут они тебя.

АЛЕКСАНДР. Да, что я, Анька, это же родительский дом, на, вот смотри.

Александр бросается к шкафу, открывает все дверцы.

АЛЕКСАНДР. Пальто мамкино, батин пиджак, галстуки его, вон в шкатулке запонки, заколки, материн крестик. Вон, фотографий сколько, все детство наше тут, в этих фотографиях. Анька, они в этом доме не живут, они их потеряли уже, забыли о них, а я не могу, не могу так. Плевать, что на улице окажусь. Мне этого всего жаль. Запаха жаль, обоев этих старых, полов этих скрипучих жаль. Они же тут, понимаешь?

АННА. Саш, да я тоже против, чего же ты на меня кричишь.

АЛЕКСАНДР. Да потому что не могу я так! Какое они вообще имеют право? Одна даже на похороны не приехала, вторая звонила ему раз в год, хотя за триста километров, и приехать можно, третья вообще под боком живет...

АННА. Саша...

АЛЕКСАНДР. Да, что Саша, что Саша? Говорил тебе, чтобы к отцу переезжала, пока он еще жив был, ничего, свyksя бы он как-нибудь, что ему родных внуков не любить. Так они бы сейчас рот не разевали.

Пауза.

Анна встает, начинает медленно собирать разбросанные Александром вещи, вешает их обратно в шкаф. Аккуратно собирает фотографии, заворачивает их в газету, лежащую на столе, так же убирает в шкаф.

АННА. Ладно, Сашенька, что упустили, того не вернешь. Ладно. Люда приедет, поговорим спокойно, что-то да решим. Ты бы зашел завтра к Зине.

АЛЕКСАНДР. А они сюда прийти не хотят?

АННА. Не знаю я.

АЛЕКСАНДР. Вот и весь ответ.

Пауза.

АННА. Сасик, помнишь, как ты себя в детстве называл. Сасик, давай заранее не будем всех ненавидеть.

АЛЕКСАНДР. Я ни кого не ненавижу. Я понять не могу!

АННА. Поговорим завтра, все выясним, все обсудим. Мы же для них всегда салапеты будем, от того и не советуется с нами. Что Наташкин характер не знаешь?

Александр молчит. Анна, собрав вещи, закрывает шкаф, прислоняется к нему спиной, окидывает взглядом комнату.

АННА. Помнишь, как они нас с тобой в доме закрывали, а сами в сад бежали сливы есть? Смешно сейчас вспоминать. А ты ревел, нюник. Они всегда такими были, ты вспомни.

АЛЕКСАНДР. Отец нам потом в кепке своей сливы приносил, а мы ели их немытыми.

Александр улыбается.

АЛЕКСАНДР. Я с тобой больше в туалет наперегонки бегать не буду.

Улыбаются.

АННА. А как ты меня от петуха защищал, помнишь?

Александр качает головой.

АННА. Ильюша. Ильюша. Дурной был петух.

АЛЕКСАНДР. Да и имя для петуха тоже не очень.

АННА. Ладно, пора мне, поздно. Все, не горячись.

АЛЕКСАНДР. Может быть, чаю попьем?

АННА. Давай завтра. Ты приходи завтра к Зине, к обеду приходи.

АЛЕКСАНДР. Нет, не пойду. Скажи у меня времени нет. Послезавтра на кладбище встретимся.

АННА. Ладно.

АЛЕКСАНДР. Сейчас, погоди.

Александр выходит из комнаты, Анна какое-то время стоит у шкафа, потом подходит к портрету родителей, висящему на стене.

АННА. Аня, Аннушка, Анютушка...

Входит Александр.

АЛЕКСАНДР. Вот, детям передай, от зайчика.

Александр протягивает Анне банку варенья.

АЛЕКСАНДР. Мамино, абрикосовое.

АННА. Я его вкус уже и забыла совсем.

АЛЕКСАНДР. И как всегда, вон, карандашом год подписан.

АННА. Да, это она любила, чтобы порядок был... Давай так, завтра берешь эту банку и к Зинке, а?

АЛЕКСАНДР. Сказал не приду, значит – не приду. Хватит нас мирить, я еще не сорился ни с кем. Просто обдумать все нужно. Надумаю, так забегу, варенья на всех хватит.

АННА. Ладно, как знаешь.

Анна берет банку.

АННА. Спасибо.

АЛЕКСАНДР. От зайчика.

АННА. Сашка, дядя-зайчик ты, спасибо еще раз.

АЛЕКСАНДР. Давай.

Анна выходит. Александр остается один, ходит по комнате, потом садится. Берет сигареты, зажигает спичку, смотрит на портрет родителей, тушит спичку, встает, раздевается, выключает свет, ложится в кровать.

Александр долго лежит на кровати. В комнату входит Дмитрич с ведром воды. Выливает воду в раковину.

ДМИТРИЧ. Умывайся, рассвет скоро.

АЛЕКСАНДР. А зачем к колодцу ходил, в кране вода есть.

ДМИТРИЧ. Привыкнуть ни как не могу.

АЛЕКСАНДР. Значит, зря я батя, трубы тянул.

Александр встает, умывается.

Дмитрич снимает ватник.

ДМИТРИЧ. Ты мне не шути, не шути. Я один, мне много не надо. А лишний раз во двор выйти, кости размять, только на пользу. Мать была, так это понятно для кого трубы тянули. А сейчас мне эта вода... полотенце вона. И это, на, вот, накинься. Чего не топишь?

Александр вытирается, одевает ватник. Смотрит на отца.

Дмитрич смотрит на сына, ухмыляется.

Оба долго молчат.

АЛЕКСАНДР. Как это... И как это объяснить.

ДМИТРИЧ. Сон.

АЛЕКСАНДР. Мда... сон...

ДМИТРИЧ. Ой, подумаешь – отец приснился. Я ж не Сталин.

АЛЕКСАНДР. Ага.

Александр садится, достает из кармана ватника папиросы и спички. Закуривает.

ДМИТРИЧ. Ты мне не кури в хате, мал еще, тем более батькины.

Дмитрич забирает у Александра папиросу. Затягивается.

ДМИТРИЧ. Ладно, шучу, кури.

АЛЕКСАНДР. Ага.

Александр курит, косится на отца. Дмитрич смотрит на него, ухмыляется. Оба долго молчат.

ДМИТРИЧ. Вот те раз, и поговорить значит не о чем?

АЛЕКСАНДР. Да я как-то и не знаю...

ДМИТРИЧ. Громче говори, подглуховат я.

АЛЕКСАНДР. Да не знаю я что говорить...

ДМИТРИЧ. А что тут знать? Как дела рассказывай, как служба.

АЛЕКСАНДР. Уволился я... как ты, это самое...

ДМИТРИЧ. Помер.

АЛЕКСАНДР. А... Ага.

ДМИТРИЧ. Понятно.

АЛЕКСАНДР. Бать, а это все, оно как?..

ДМИТРИЧ. Я ж говорю – сон!

Пауза.

Александр вскакивает.

АЛЕКСАНДР. Блин, да какой тут сон, ты же вот он сидишь!

ДМИТРИЧ. А что во сне бы не сидел?

Александр замирает. Дмитрич смотрит на него, ухмыляется. Александр снова садится рядом.

АЛЕКСАНДР. А... Ага.

ДМИТРИЧ. Эх ты, Сасик, Сасик...

АЛЕКСАНДР. Ты просто раньше почти не говорил со мной...

ДМИТРИЧ. Это раньше, чего оглядываешься?

АЛЕКСАНДР. Да не привычно просто...

ДМИТРИЧ. Колодец почистить нужно, запустил ты его совсем.

АЛЕКСАНДР. Да я как-то...

ДМИТРИЧ. Говорю почистить нужно, значит возьми да почисти, знаешь как?

АЛЕКСАНДР. Знаю, ты же и учил.

ДМИТРИЧ. Значит не зря я жил.

Дмитрич смотрит на сына, ухмыляется.

ДМИТРИЧ. Да ладно тебе, два часа времени потратить, чего насупился?

АЛЕКСАНДР. Да я не от этого.

ДМИТРИЧ. А чего тогда?

АЛЕКСАНДР. Я спросить хочу.

ДМИТРИЧ. Спрашивай, а я расскажу. Берешь лестницу, лопатку, ведро, щетку железную.

АЛЕКСАНДР. Да я не об этом. Ты меня любил?

ДМИТРИЧ. От чудак-человек. Воду всю вычерпываешь и пошел щеткой по стенкам. Особенно где верхний слой воды, там самая грязь на стенках.

АЛЕКСАНДР. Ты меня любил?

ДМИТРИЧ. А на дне самая муть – ил, листики всякие, мусор, в общем. Лопаткой в ведро аккуратно собрал, прямо до родной чистой земли.

АЛЕКСАНДР. Если надо, то и земли немного снять, знаю. Ты меня любил?

ДМИТРИЧ. Да, а если надо, то и земли немного снять, пару сантиметров, чище будет.

АЛЕКСАНДР. Ты меня любил?!

ДМИТРИЧ. Не ори на отца! Ишь ты, пасть он будет разевать!

Пауза.

Дмитрич лезет в карман телогрейки, достает папиросы, закуривает. Делает несколько глубоких затяжек, отдает папиросу Александру.

АЛЕКСАНДР. Так ты мне до этого снился, чтобы я колодец почистил?

ДМИТРИЧ. Дурак ты, так и не понял ничего...

АЛЕКСАНДР. А чего тогда...

Дмитрич молчит.

АЛЕКСАНДР. А для чего тогда, для чего снишься?

Дмитрич молчит.

АЛЕКСАНДР. Зачем?

ДМИТРИЧ. Чтобы тебе хоть какие-нибудь сны снились.

АЛЕКСАНДР. Я не понимаю...

ДМИТРИЧ. Тогда ходи голодный.

АЛЕКСАНДР. Да я серьезно.

ДМИТРИЧ. И я серьезно, колодец иди чисти, чего ты злобы на сестер насобирали?

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Понял.

ДМИТРИЧ. Я тебя, что о понимании прошу?

АЛЕКСАНДР. Нет, я понял.

ДМИТРИЧ. Ну, раз понял, так иди и делай. Ватник дай, озяб что-то...

Александр снимает ватник, накидывает на плечи отцу.

ДМИТРИЧ. Аньку сюда забери, пусть тут живут, с тобой. Поместитесь. Вон, в пристройке окна утеплишь, и там жить можно, одному за глаза места хватит. Что сделаешь, раз характер у меня такой. Чего же ей скитаться уже? Пусть простит меня. А на этих внимания не обращай. Их тоже понять нужно, кто ж виноват, что они разлетелись...

АЛЕКСАНДР. Они дом хотят продать.

ДМИТРИЧ. И пусть продают. Пусть пробуют. А ты на что? Вот ты на что? Сашка, они дом будут продавать, а ты сидеть будешь и молчать?

АЛЕКСАНДР. Нет.

ДМИТРИЧ. Так, что же ты мне сидишь и жалишься?

АЛЕКСАНДР. Не жалюсь я.

ДМИТРИЧ. Жалишься! Сасик-Сасик! Как был Сасиком, так Сасиком и остался.

Пауза.

ДМИТРИЧ. Завтра ключи Аннушке отдашь, скажешь, чтоб переезжала. Ты на улице это, на скамейку стань, руку под шифер засунь, чуть правее, там должна связка лежать, я держал на всякий случай. И это еще, в шкафу, между простынями поройся, деньги там лежат. Немного, но все же. Я с книжки снимал. Поделите, в общем. Ты чего дрожишь, озяб совсем что ли? Озяб так топи!

АЛЕКСАНДР. Все нормально.

ДМИТРИЧ. Нормально, дрожишь как цуцик. Пошли-пошли, приляжешь.

Дмитрич поднимает Александра, ведет его к кровати, укладывает, укрывает одеялом.

ДМИТРИЧ. О, мамино одеяло, теплое. Вот так, вот так, хорошо. Все, поспи. Поспи немного.

АЛЕКСАНДР. Я только...

ДМИТРИЧ. Все, тихо, молчи.

Александр лежит молча. Дмитрич смотрит на него, ухмыляется.

ДМИТРИЧ. Ладно, видать все я сегодня сказал. Пойду.

Дмитрич встает, подходит к двери. Останавливается.

ДМИТРИЧ. Да, розу на кладбище вырубил, что у изголовья... мать душит.

Дмитрич выходит. Секунду Александр лежит в кровати, потом вскакивает, и выбегает во двор. Во дворе никого нет. Александр вглядывается в предрассветные сумерки.

АЛЕКСАНДР. Отец... Батя!.. Отец!

Какое-то время Александр ждет ответа. Потом он становится на лавочку, засовывает руку под шифер, шарит там, достает связку ключей.

Александр возвращается в дом, подходит к шкафу, открывает дверцу, стоит так несколько секунд, закрывает шкаф. Садится на кровать, закрывает лицо руками, сидит несколько секунд, затем валится на бок.

АЛЕКСАНДР. Господи Боже наш, в Негоже веровахом, и Егоже имя паче всякаго имене призываю, даждь мне, ко сну отходяще, ослабу души и телу, и соблюди нас от всякаго мечтания, и темныя сласти кроме; устави стремление страстей, угаси разжжения восстания телеснаго. Даждь мне целомудренно пожити дела и словесы; да добродетельное жителство восприемлюще, обетованных не отпадем благих Твоих, яко благословлен еси во веки. Аминь.

Через несколько секунд Александр просыпается.

Картина 3.

Кладбище. Александр подходит к могиле. За памятником разросся большой розовый куст.

АЛЕКСАНДР. Ну... здравствуйте...

Какое-то время Александр стоит и смотрит на фотографии. Потом он достает топор, небольшую лопату, бутылку с керосином, начинает вырубать куст. Вырубив куст, он, насколько это возможно подкапывает и рубит корни лопатой, заливает керосином, утаптывает землю. Закончив, Александр садится на лавочку, закуривает, снова смотрит на фотографии.

АЛЕКСАНДР. Вот так будет лучше. Как и просили.

Со спины Александра появляются Наталья, Зина, Анна, Людмила и Олег.

НАТАЛЬЯ. Сашка!

Александр поворачивается, встает, на мгновение на его лице видна улыбка. Он выходит за ограду. Они обнимаются.

НАТАЛЬЯ. Привет дорогой. Привет.

ЛЮДМИЛА. Здравствуй, Олега помнишь еще?

АЛЕКСАНДР. Да, конечно. Привет.

ОЛЕГ. Здравствуй.

ЗИНА. Привет, Сасик. Давай обнимемся, что как не родной.

АЛЕКСАНДР. Привет.

НАТАЛЬЯ. О, и Сасика вспомнили.

Смеются. Сестры проходят за ограду.

ЛЮДМИЛА. Привет родные, привет дорогие.

НАТАЛЬЯ. Вот и мы. Все в сборе.

Пауза.

ЗИНА. Ну, ладно, чего встали. Олег, раскладывай давай.

ЛЮДМИЛА. Давай мне сумку.

Олег отдает сумку Людмиле. Она достает вышитое белое полотенце, накрывает столик, достает из сумки еду, минералку, водку, пластиковые стаканчики от сметаны.

ЛЮДМИЛА. Зинка, а это что такое?

ЗИНА. Вместо стаканчиков, чего деньги тратить.

НАТАЛЬЯ. Совсем экономишь.

ЗИНА. А на мою зарплату не разживешься. Нормально, они мытые.

НАТАЛЬЯ. Ладно. Так, нож где?

ЛЮДМИЛА. Вот, держи.

Наталья нарезает хлеб и т.д. Анна какой-то время стоит в стороне, потом достает носовой платок, смачивает его минералкой, протирает памятник.

ЗИНА. Да, про воду забыли.

ЛЮДМИЛА (Анне). На клумбу немного полей.

ЗИНА. Наташка, крупно режешь.

ЛЮДМИЛА (Анне). Фотографии протри.

НАТАЛЬЯ (Людмиле). Да видит она, не маленькая. Так, все, давайте к столу. Мужики, наливайте.

Оба тянутся за бутылкой, но заметив это, вместе останавливаются.

ЛЮДМИЛА. Ну что замер, Олег, наливай.

ОЛЕГ. Саша, может, пусть лучше нальет...

ЗИНА. Ну, что вы жметесь, как не родные, давай бутылку.

Зина наливает. Раздает стаканчики.

ЗИНА. Так, все, берем.

ЛЮДМИЛА. Ну, кто скажет?

НАТАЛЬЯ. В общем так... пусть земля, как говорится пухом...

ЗИНА. Простите, если что не так...

АЛЕКСАНДР. Спите спокойно, и ждите нас долго.

Выпивают, закусывают.

ЗИНА. Вот все собрались, кто бы думал...

ЛЮДМИЛА. Да ладно, Зинка, чего ты?

ЗИНА. Ничего, дайте я вас обниму.

НАТАЛЬЯ. Зинка, ну, ты что? Спокойно.

ЗИНА. Наташечка, ели бы ты знала, как я скучаю.

НАТАЛЬЯ. Все... все! Давайте по второй, наливай Олег.

Олег наливает, передает стаканы.

НАТАЛЬЯ. Ну, дорогие, спите спокойно.

Выпивают. Анна стоит в стороне.

ЗИНА. Олежа, знаешь, как мне без них тоскливо...

ЛЮДМИЛА. Началось.

ЗИНА. Сашка, вон, брат, и тот никогда не зайдет. Ну, разве ж так можно, а?

ЛЮДМИЛА (Наталье). Она, что, хряпнула с утра?

НАТАЛЬЯ. Ну, видишь же.

ЛЮДМИЛА. А ты куда смотрела? Так, Зинка, все садись, садись, закусывай.

Людмила усаживает Зину на скамью.

ЗИНА. Мамка с папкой вот они...

НАТАЛЬЯ. Зинка, заткнись.

ЗИНА. Олежа, давай наливай, за родителей. Они лежат тут, а мы...

Олег наливает.

ЛЮДМИЛА. Зинке не лей, хватит.

НАТАЛЬЯ. Давайте. Вечная память, как говорится, мы все умрем, людей бессмертных нет.

ЗИНА. Людей бессмертных нет... как мама пела... как пела...

Баю-баюшки-баю,
Живет мужик на краю,
Он не беден, не богат,
У него много ребят.

ЛЮДМИЛА. Зинка, а ну хватит стонать.

ЗИНА. У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,

НАТАЛЬЯ (*Людмиле*). Да не трогай ты ее.

ЛЮДМИЛА. Ну, так, а что она...

ЗИНА. Все по лавочкам сидят,
Кашку масляну едят.

НАТАЛЬЯ (*Людмиле*). Глянь, лучше, что я тебе привезла.

Наталья достает из сумки небольшую коробочку, отдает Людмиле.

НАТАЛЬЯ. Маникюрный набор. 26 предметов, плюс крем.

ЛЮМИЛА. Спасибо, сестричка.

ЗИНА. Кашка масляная,
Ложка крашеная.
Ложка гнется,
Нос трясется,
Сердце радуется.

Анна в стороне наблюдает за сестрами.

ЗИНА. Ой, мамочки мои... давайте наливайте, что не помянуть по-человечески?

АННА. Простите...

Анна уходит.

ЛЮДМИЛА. Куда ты, Анька?

Анна, не оборачиваясь, идет.

АЛЕКСАНДР. Аня! Аня...

Александр бросается к Зине.

АЛЕКСАНДР. Ну, что же ты, опять? Опять все повторяется. Да неужели хотя бы на кладбище нельзя по-человечески...

ЗИНА. А что ты на меня орешь?

АЛЕКСАНДР. Зина, перед родителями, слышишь, перед родителями стыдно?..
Господи, Зина...

НАТАЛЬЯ. Все, успокоились.

АЛЕКСАНДР. Что успокоились? Наташка, ты посмотри, что с ней творится.

ЗИНА. Со мной все в порядке. За собой следи. Пенсия военная не учительская зарплата, так что не надо. Живешь, вон, в родительском доме. И что мне выпить нельзя? Фуф, все чистолюи такие стали, я не могу.

АЛЕКСАНДР. Что ты несешь?

ЛЮДМИЛА. Хватит. Действительно устроили базар.

АЛЕКСАНДР. Так, а что она лепит? Дом бы этот уже сгнил давно, он же вам не нужен совсем. У тебя, Зина, своя квартира. А мы с Анькой и обои переклеивали, я крышу делал, подкрасили. Дом родительский, вы ж в нем все выросли, как же так?

ЗИНА. Ну, выросли, ну и что? Продать его, хибару эту, и все. Тебе что деньги не нужны? Что же ты себе на квартиру не наслужил, а? Наслужил бы, так сейчас бы по-другому пел. А нам что теперь на бобах сидеть?

НАТАЛЬЯ. Так, не хотела я тут об этом говорить.

ЛЮДМИЛА. Олег, отведи ее в машину.

ЗИНА. Никуда я не пойду. Наташка, говори ему.

НАТАЛЬЯ. Что говорить, зачем тут это все решать?

ЗИНА. Нет, ты говори, говори, так мол и так, решили мы дом продать, деньги поделить, ну, что ты молчишь?.. Тогда я скажу.

НАТАЛЬЯ. Зина, об этом нужно спокойно сесть и поговорить.

ЗИНА. Короче, решили мы тебя, братик, на улицу выкинуть. Деньги ни кому не помешают, ведь так?

ЛЮДМИЛА. Саша, не слушай ее.

АЛЕКСАНДР. Я все знаю.

ЗИНА. О, тем более, что он уже все знает. Так значит, все решили, я правильно понимаю?

ЛЮДМИЛА. Саш, пойми, это ведь для всех...

АЛЕКСАНДР. Да, да, конечно. Это для всех. Раз решили, значит решили. За сколько вы хотите его продать?

Пауза.

НАТАЛЬЯ. У нас больше пятидесяти тысяч за него не дадут. Вот и получится по десять тысяч на каждого.

АЛЕКСАНДР. Значит так. Хорошо, я понял, все очень легко получается. Я так понимаю, что покупателя уже нашли.

ЗИНА. Нашли, а ты как думал?

АЛЕКСАНДР. Когда думаете продавать?

НАТАЛЬЯ. Я тут еще полторы недели, за это время хотим все успеть.

АЛЕКСАНДР. Наташка, да если дом продать, так ты больше сюда вообще не приедешь, а так хоть что-то да тянет... Господи, что я говорю...

НАТАЛЬЯ. Хочешь сказать, что я к родителям на могилу не приеду больше? Свинья ты Сасик.

АЛЕКСАНДР. Да ты даже на похороны не приехала.

НАТАЛЬЯ. А ты думаешь легко мне сюда приехать? Ближний свет. Это же не на электричку сел и приехал, это через весь океан. Думаешь, я там миллионами ворочаю? Мне это все в копеечку вылетает! Постеснялся бы...

АЛЕКСАНДР. Что? Кто б еще постеснялся. Наташа, да какое право ты вообще имеешь так говорить. Вы, блин, из-за денег удавиться готовы, а что тебе эти деньги? Что они тебе дадут? Все деньгами меряете! Там деньги, тут деньги, а вы что? Вы что? Кто вы вообще? Кто вы?

НАТАЛЬЯ. Ладно, спокойнее.

Наталья открывает сумочку, достает из нее небольшую коробочку.

НАТАЛЬЯ. Вот, Саша, я и тебе подарок привезла. Зажигалка. Фирменная.

АЛЕКСАНДР. Ты в своем уме? Какая зажигалка? Какая зажигалка?

НАТАЛЬЯ. Фирменная.

АЛЕКСАНДР. Да иди ты со своей зажигалкой! Дом не продавать! Не позволяю я!

НАТАЛЬЯ. По документам я хозяйка, что захочу, то и сделаю.

ЗИНА. А тебе, вот, зажигалка.

Пауза.

Александр садится на корточки, обхватывает голову руками, сидит так какое-то время, потом поднимает голову на памятник, смотрит на фотографии.

АЛЕКСАНДР. Простите вы меня...

Александр резко вскакивает, Альберт хватается за руки.

АЛЬБЕРТ. Спокойно, спокойно Саша.

АЛЕКСАНДР. Как? Где она? Где Зинка?

АЛЬБЕРТ. Садись.

АЛЕКСАНДР. Господи... да как же это... Господи, да как же...

АЛЬБЕРТ. Выпейте воды. Все хорошо. Садитесь на кушетку.

АЛЕКСАНДР. Все, все, я спокоен.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Нет, я не могу понять, что же произошло?

АЛЬБЕРТ. Все в порядке.

АЛЕКСАНДР. Но почему сестры? Ведь я думал, что это все реальность. Ведь они живы. Живы?

АЛЬБЕРТ. Живы.

АЛЕКСАНДР. Почему мы попали в мои воспоминания, в мою голову?

АЛЬБЕРТ. А вы уверены, что это воспоминания? Уверены, что это ваши воспоминания?

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я ничего не понимаю. Я-ни-че-го-не-по-ни-ма-ю.

Александр встает, кругами ходит по кабинету, резко останавливается.

АЛЕКСАНДР. А что это тогда? Что это было?

АЛЬБЕРТ. Сознание.

АЛЕКСАНДР. А... ага... да... Альберт, что значит сознание!?

АЛЬБЕРТ. Это долго объяснять... наше сознание не только может соотносить себя с миром, но и вычленять себя из него, и противопоставлять себя ему. Наше сознание, всегда заменит что-то недостающее на нужное, понимаете?... Я не знаю, как вам это объяснить...

АЛЕКСАНДР. Ладно, ничего не нужно, мне далеко до этого. Надо успокоиться. Можно я просто посижу, пару минут?

АЛЬБЕРТ. Да. Конечно. Вы можете...

АЛЕКСАНДР. Давайте на «ты»?

АЛЬБЕРТ. Как скажете... Как скажешь.

АЛЕКСАНДР. Мне кажется, что я сошел с ума.

АЛЬБЕРТ. Всю нашу жизнь мы медленно сходим с ума.

АЛЕКСАНДР. Ты веришь в Бога?

АЛЬБЕРТ. Это слишком личный вопрос. Я не могу тебе ответить. Скажу только одно: в рай стадом не войти.

АЛЕКСАНДР. Я понял.

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Послушай, я не знаю, как объяснить то, что сейчас произошло. Но мне кажется, тебе нужно увидеться со своими сестрами.

АЛЕКСАНДР. Нет, не сейчас.

АЛЬБЕРТ. Не обязательно сейчас. Потом. Накрой огромный стол, позови всех и решите все проблемы. Может быть, действительно, когда они войдут в этот старый родительский дом с ними что-то произойдет.

АЛЕКСАНДР. Нет. Не думаю.

АЛЬБЕРТ. А ты проверь.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Почему отец не приходит к ним во сне? Пусть бы он им сам все сказал.

АЛЬБЕРТ. Я уверен, что это и есть ответ на твой главный вопрос. Видишь, все легко сходится...

АЛЕКСАНДР. Слишком легко.

АЛЬБЕРТ. Думаю, что можно прекратить сеансы, зачем тебе тратить деньги?

Извини... мне нужно...

Альберт встает, закрывает лицо руками, какое-то время он стоит неподвижно. Когда он убирает руки от лица, на глазах видны слезы.

АЛЬБЕРТ. Она умерла... Сейчас позвонят.

У Альберта звонит мобильный телефон.

АЛЬБЕРТ. Да, алло... Я знаю... спасибо.

Альберт отключает телефон.

АЛЕКСАНДР. Я даже не знаю... мои соболезнования...

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Да. Да... спасибо.

АЛЕКСАНДР. Жизнь... она продолжается... так что ли говорят?..

АЛЬБЕРТ. Все говорят, что жизнь продолжается, но никто не говорит, что это плохо.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Картина 4.

ЮРАСИК. Вот, этот колодец он мне помогал копать. Старый совсем перестал воду давать, так мне твой отец помог новый выкопать, он в этом деле разобрался. Здорово разобрался.

АЛЕКСАНДР. Юрий Константинович, а как отец жил последний год?

ЮРАСИК. А?

АЛЕКСАНДР. Я спрашиваю, как отец жил последний год. Вы часто с ним общались?

ЮРАСИК. Да как часто? Общались. Как виделись, так и общались. Он общительный был. Помогал часто.

АЛЕКСАНДР. А как он жил?

ЮРАСИК. Да как жил, жил себе, да и жил. Один жил.

АЛЕКСАНДР. Это понятно, что он один жил. А он ничего не говорил, может быть, у него были какие-то трудности?

ЮРАСИК. Чего?

АЛЕКСАНДР. Я спрашиваю, может быть, он испытывал какие-то трудности?

ЮРАСИК. Побросаете, поразъедетесь, потом про трудности пытаете... ладно уж... Какие у него трудности... Вас все вспоминал, часто вспоминал. Всех, и сестер твоих и тебя.

АЛЕКСАНДР. Да, да,.. а он говорил что-то конкретное?

ЮРАСИК. Чего это ты мне, как допрос устроил?

АЛЕКСАНДР. Да я как-то...

ЮРАСИК. А что он мог говорить?

АЛЕКСАНДР. Я не знаю...

ЮРАСИК. А коли не знаешь, так чего спрашиваешь... Скучал по вам. Вспоминал много.

АЛЕКСАНДР. А что вспоминал? Что-то конкретное?

ЮРАСИК. Да много чего вспоминал. Как работал, как жил, как вас воспитывал. Ладно тебе, чего уже пытаться. Поздно спохватился.

АЛЕКСАНДР. Да... да...

Какое-то время они молчат.

ЮРАСИК. Памятник поставили?

АЛЕКСАНДР. Что, простите?

ЮРАСИК. Памятник поставили?

АЛЕКСАНДР. Да.

ЮРАСИК. Красивый?

АЛЕКСАНДР. В плане?

ЮРАСИК. Ну, красивый памятник-то?

АЛЕКСАНДР. Да они одинаковые для меня все.

ЮРАСИК. Гранит, мрамор, крошка?

АЛЕКСАНДР. Мрамор.

ЮРАСИК. Красиво наверное.

АЛЕКСАНДР. Наверное. Станный вопрос.

ЮРАСИК. А что странного, оно ж когда смотришь сразу видно красиво или нет. Иногда долго можно стоять. Я вот когда по кладбищу хожу, всегда памятники смотрю, фамилии читаю, годы жизни тоже. Стихи тоже. Иногда запомнишь, аж из головы не выходит. Сейчас вот что-нибудь вспомню.

АЛЕКСАНДР. Не надо.

ЮРАСИК. А чего? Красиво же! Тебя забыть мы все не в силах, в сердцах остался шрам...

АЛЕКСАНДР. Юрий Константинович...

ЮРАСИК. Да ты дослушай! Тебя забыть мы все не в силах, в сердцах остался шрам...

АЛЕКСАНДР. Скажите, он говорил о ком-то из нас отдельно, ну, из детей?

ЮРАСИК. Солдафон ты Сашка. Я тебе поэзию, а ты...

Юрасик обиженно отходит в сторону, достает сигареты, закуривает.

АЛЕКСАНДР. Ладно, извините. Действительно, мог бы и дослушать. Давайте, я с удовольствием...

Юрасик быстро делает несколько затяжек, плюет на сигарету, сбивает пепел пальцем, убирает окурочек в карман.

ЮРАСИК. Тебя забыть мы все не в силах, в сердцах остался шрам... запомнил... тьфу ты, Сашка...

Юрасик снова отходит в сторону, достает из кармана окурочек, закуривает, садится у дерева. Обиженно курит.

ЮРАСИК (через паузу). Потому как сразу надо было!..

АЛЕКСАНДР. Ну, ничего, не обижайтесь, бывает...

Юрасик обиженно курит. Александр мнетя на месте.

АЛЕКСАНДР. А хотите я вам стихи почитаю?

ЮРАСИК. А ты знаешь?

АЛЕКСАНДР. Да, действительно, неудачное предложение.

ЮРАСИК. А петь можешь?

АЛЕКСАНДР. Да тоже как-то...

ЮРАСИК. Тогда сядь и покури.

Александр садится у дерева рядом с Юрасиком. Закуривает. Они долго сидят молча.

ЮРАСИК. Он без дела сидеть не любил. Придет, случается, утром, часов наверное в восемь, ну, может пол девятого. А я только брюсь... ага... со мной никогда не сидел. Пойду, говорит, покурю. Ну, тое-сёе, я выхожу, а он уже помидору у меня подвязывает, или там еще что. Его и не просил ни кто, у него руки сами тянулись. У себя все сделает, и ко мне идет. А у него, у него все гвоздик к гвоздику, порядок все вокруг, глаз не придерется. Он, как только занималась - уже вставал. Рассказывал мне. Говорит, только-только в окно свет, так, говорит, уже встаю. Кур бужу, говорит. Смеялся.

А ему работы всегда мало было. Уставал, конечно, последнее время, уставал, не без этого. А кто не устает. Но жила, понимаешь! А в отношениях, так вообще человек особенный. Ко всем, ага. Себе мало чего, а для других в бараний рог согнется. Скажи, а вот и оно. Намекни – пожалуйста. Прикатил мне однажды бочку железную, на кой ляд она мне сдалась. Душ, говорит, поправим. Бак сняли, а баку этому чуть за младше меня, а течет. Я без дырок, хоть и отбегал ого-го, а баку-то что? Так нет, протек. Я и не пользовался им. Все равно поменяли... Вона, бочка, видишь. Как новенькая. А однажды скворечник принес. Пусть, говорит, птица живет. Ты вона, голову-то подыми.

Юрасик поднимает голову, какое-то время смотрит на скворечник.

АЛЬБЕРТ. Пусть живет, мне-то что? Птица пусть живет... Сашка, спишь что ли?

ЮРАСИК. Александр, просыпайся. Мне трудно его удержать без тебя.

АЛЬБЕРТ. Сашёк, чего разоспался-то, Саша?

ЮРАСИК. Александр!

АЛЬБЕРТ. Сашка!

Александр просыпается, судорожно ощупывает кушетку.

АЛЕКСАНДР. Юрий Константинович... Провалился. Альберт, я... Извини... что-то провалился... неделю почти ночь без сна... не могу, не могу уснуть, а тут что-то провалился...

АЛЬБЕРТ. Ничего, у меня тоже бессонница.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Послушай, мне нужно разобраться, понять. Сначала сестры, потом Юрий Константинович, что происходит? Мы попадаем в голову к ним, или что?

АЛЬБЕРТ. Пока мы находимся только в тебе. Твой мозг дорисовывает недостающие ему части, недостающую информацию.

АЛЕКСАНДР. Получается, что я все это придумываю?

АЛЬБЕРТ. Нет. Ты, точнее твой разум собирает мозаику, недостающие кусочки он подгоняет под размер пробелов и вставляет в общую картину.

АЛЕКСАНДР. Так и получается – я все придумываю.

АЛЬБЕРТ. Неправильно понимать разум, как что-то рациональное. Разум нужно рассматривать как способность нахождения истины. Как бы тебе объяснить... Разум мы еще не изучили, даже на сотую долю. Мы неправильно рассматриваем его.

АЛЕКСАНДР. Так ты можешь мне сказать, это вообще было или нет?

АЛЬБЕРТ. Почему было? Это есть, здесь и сейчас.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Надо выспаться.

АЛЬБЕРТ. Да, я тоже мечтаю только об этом, но эта бессонница... ты знаешь, после похорон я перестал контролировать ее. Она теперь сама может приходиться ко мне... во сне...

АЛЕКСАНДР. Бессонница спасает?

АЛЬБЕРТ. Да.

Пауза.

Альберт открывает ящик стола, достает сверток.

АЛЬБЕРТ. Вот, это тебе.

АЛЕКСАНДР. Что это?

АЛЬБЕРТ. Деньги. На дом.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Нет, я не могу... Я не смогу их тебе отдать, нет, Альберт, это неправильно.

АЛЬБЕРТ. Я не могу их оставить. Я, правда, даже не знаю сколько здесь, но думаю тысяч пятьдесят, может быть даже восемьдесят. Тут много.

АЛЕКСАНДР. Что значит, не знаю. Твои деньги?

АЛЬБЕРТ. Нет. Меня купили. После похорон ко мне подошел человек и отдал мне эти деньги, прямо так, в газете... А вдалеке я увидел машину, из которой за нами наблюдали. Это был отец того молокососа. Я не могу их оставить.

АЛЕКСАНДР. Послушай, у тебя горе...

АЛЬБЕРТ. Эти деньги мне ничего не дадут... ничего не вернут. Ничего! Так пусть они хоть как-то...

АЛЕКСАНДР. Нет. Я не могу.

АЛЬБЕРТ. Бери. Иначе я их просто выброшу. Я не хочу быть купленным, а тебе они нужны, Саша.

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Саша, я один. Мне ничего не нужно. Я уеду отсюда. Я навсегда оставлю практику. Возвращать мне ничего не нужно, просто возьми эти деньги. Ты сможешь оставить себе память!

АЛЕКСАНДР. А ты?

АЛЬБЕРТ. Мне теперь больно вспоминать... страшно... это я научил ее ездить на мотоцикле. Ее мать была против, но я воспитывал ее как сына. Я ни в чем ей не отказывал. Она выросла сильной, целеустремленной, но... Я виноват, понимаешь?

Пауза.

АЛЬБЕРТ. Видимо я тоже устал. Закончим на сегодня. Извини.

АЛЕКСАНДР. Да, конечно. Попытайся взять себя в руки.

Александр встает, идет к выходу.

АЛЬБЕРТ. Деньги. Возьми деньги, черт подери. Забери их.

Александр стоит у двери.

АЛЬБЕРТ. Возьми их, Саша, прошу тебя. Они сейчас тебе нужны. Бери, ну!

Александр медленно подходит к столу, берет сверток.

АЛЕКСАНДР. Тяжелый...

АЛЬБЕРТ. Иди.

Александр идет к выходу.

АЛЬБЕРТ. Завтра не приходи. И послезавтра. Прощай.

Александр останавливается.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Прощай.

Александр выходит.

Альберт садится за стол. Закрывает глаза. Какое-то время сидит неподвижно.

АЛЬБЕРТ. Привет. Ну, как ты там?.. Это хорошо... Я?.. А меня уже нет. Ты есть, а меня нет...

Картина 5.

Александр входит в дом с ведром воды, выливает его в раковину. Садится на стул, достает сигареты, зажигает спичку, смотрит на портрет родителей, тушит спичку. Смотрит на кровать. Подходит.

АЛЕКСАНДР. Умывайся, рассвет скоро.

ДМИТРИЧ. А зачем к колодцу ходил, в кране вода есть.

АЛЕКСАНДР. Привыкнуть ни как не могу.

ДМИТРИЧ. Значит, зря трубы тянул.

Дмитрич встает, умывается.

Александр снимает ватник.

АЛЕКСАНДР. Ты не шути. Я один, мне много не надо. А лишний раз во двор выйти, кости размять, только на пользу. Мать была, так это понятно для кого трубы тянули. А сейчас мне эта вода... полотенце вона. И это, на, вот, накинйся.

Дмитрич вытирается, одевает ватник. Александр смотрит на отца, ухмыляется.

Оба долго молчат.

ДМИТРИЧ. Как это... И как это объяснить.

АЛЕКСАНДР. Сон.

ДМИТРИЧ. Мда... сон...

АЛЕКСАНДР. Ага.

Александр садится, достает папиросы и спички. Закуривает. Смотрит на отца, ухмыляется.

Оба долго молчат.

АЛЕКСАНДР. Вот те раз, и поговорить значит не о чем?

ДМИТРИЧ. Да не знаю я что говорить...

АЛЕКСАНДР. Понятно.

Пауза.

ДМИТРИЧ. Блин, да какой тут сон, ты же вот он сидишь!

АЛЕКСАНДР. А что во сне бы не сидел?

ДМИТРИЧ. А... Ага.

АЛЕКСАНДР. Эх, батя, батя...

ДМИТРИЧ. Ты просто раньше почти не говорил со мной...

АЛЕКСАНДР. Это раньше, чего оглядываешься?

ДМИТРИЧ. Да не привычно просто...

АЛЕКСАНДР. Колодец почистить нужно, запустил ты его совсем.

ДМИТРИЧ. Да я как-то...

АЛЕКСАНДР. Говорю почистить нужно.

ДМИТРИЧ. Знаю, тебя же и учил.

АЛЕКСАНДР. Значит – не зря жил.

Александр смотрит на отца, ухмыляется.

АЛЕКСАНДР. Да ладно тебе, два часа времени потратить, чего насупился?

ДМИТРИЧ. Да я не от этого.

АЛЕКСАНДР. А чего тогда?

ДМИТРИЧ. Я спросить хочу.

АЛЕКСАНДР. Спрашивай, а я расскажу. Берешь лестницу, лопатку, ведро, щетку железную.

ДМИТРИЧ. Да я не об этом. Ты меня любил?

АЛЕКСАНДР. От чудак-человек. Воду всю вычерпываешь и пошел щеткой по стенкам. Особенно где верхний слой воды, там самая грязь на стенках.

ДМИТРИЧ. Ты меня любил?

АЛЕКСАНДР. А на дне самая муть – ил, листики всякие, мусор в общем. Лопаткой в ведро аккуратно собрал, прямо до родной чистой земли.

ДМИТРИЧ. Если надо, то и земли немного снять, знаю. Ты меня любил?

АЛЕКСАНДР. Да, а если надо, то и земли немного снять, пару сантиметров, чище будет.

ДМИТРИЧ. Ты меня любил?!

АЛЕКСАНДР. Не ори на меня, не маленький уже!

Пауза.

Дмитрич лезет в карман телогрейки, достает папиросы, закуривает. Делает несколько глубоких затяжек, отдает папиросу Александру.

ДМИТРИЧ. Дурак ты, так и не понял ничего...

АЛЕКСАНДР. А чего тогда...

Дмитрич молчит.

АЛЕКСАНДР. А для чего тогда, для чего снишься?

Дмитрич молчит.

АЛЕКСАНДР. Пап, зачем?

ДМИТРИЧ. Чтобы тебе хоть какие-нибудь сны снились.

АЛЕКСАНДР. Я не понимаю...

ДМИТРИЧ. Тогда ходи голодный.

АЛЕКСАНДР. Да я серьезно.

ДМИТРИЧ. И я серьезно, колодец иди чисти, чего ты в мутной воде найдешь?

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я понял.

ДМИТРИЧ. Я тебя, что о понимании прошу?

АЛЕКСАНДР. Нет, я понял.

ДМИТРИЧ. Ну, раз понял, так иди и делай. Ватник на, озяб вижу...

Дмитрич снимает ватник, накидывает на плечи сыну.

ДМИТРИЧ. Аньку сюда забери, пусть тут живут, с тобой. Поместитесь. Вон, в пристройке окна утеплишь, и там жить можно, одному за глаза места хватит. Что сделаешь, раз характер у меня такой. Чего же ей скитаться уже? Пусть простит меня. А на этих внимания не обращай. Их тоже понять нужно, кто ж виноват, что они разлетелись... Они дом хотят продать?

АЛЕКСАНДР. И пусть продают. Пусть попробуют. А я на что? Вот я на что? Батя, они дом будут продавать, а я сидеть и молчать не буду!

ДМИТРИЧ. Нет? Так, что же ты мне сидишь и жалишься?

АЛЕКСАНДР. Не жалюсь я.

ДМИТРИЧ. Жалишься! Сасик-Сасик! Как был Сасиком, так Сасиком и остался.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Завтра ключи Аннушке отдам, скажу, чтоб переезжала. Я ключи нашел, как ты и говорил, на улице, на скамейку встал, руку под шифер....

ДМИТРИЧ. Ты чего дрожишь, озяб совсем что ли?

АЛЕКСАНДР. Все нормально.

ДМИТРИЧ. Нормально, дрожишь как цуцик. Пошли-пошли, приляжешь.

Дмитрич поднимает Александра, ведет его к кровати, укладывает, укрывает одеялом.

ДМИТРИЧ. О, мамино одеяло, теплое. Вот так, вот так, хорошо. Все, поспи. Поспи немного.

АЛЕКСАНДР. Я только...

ДМИТРИЧ. Все, тихо, молчи.

Александр лежит молча. Дмитрич смотрит на него, ухмыляется.

ДМИТРИЧ. Ладно, видать все я сегодня сказал. Пойду.

Дмитрич встает, подходит к двери. Останавливается, смотрит на сына.

АЛЕКСАНДР. Пап, я розу на кладбище вырубил, что у изголовья... как ты просил.
ДМИТРИЧ. Знаю я, знаю. Спи.

Дмитрич выходит. Секунду Александр лежит в кровати, потом вскакивает, и выбегает во двор. Во дворе никого нет. Александр взглядывается в предрассветные сумерки.

АЛЕКСАНДР. Отец!.. Батя!.. Отец!

Какое-то время Александр ждет ответа. Потом он становится на лавочку, засовывает руку под шифер, шарит там, достает связку ключей.

Александр возвращается в дом. Он подходит к шкафу, открывает дверцу, стоит так несколько секунд, закрывает шкаф. Садится на кровать, закрывает лицо руками, сидит несколько секунд, затем валится на бок.

АЛЕКСАНДР. Господи Боже наш, в Негоже веровахом, и Егоже имя паче всякаго имене призываю, даждь мне, ко сну отходяще, ослабу души и телу, и соблюди нас от всякаго мечтания, и темныя сласти кроме; устави стремление страстей, угаси разжжения восстания телеснаго. Даждь мне целомудренно пожити дела и словесы; да добродетельное жителство восприемлюще, обетованных не отпадем благих Твоих, яко благословлен еси во веки. Аминь.

Через несколько секунд Александр просыпается.

АННА. Проснулся?

АЛЕКСАНДР. Аня?

АННА. Тише-тише, лежи, это кошмар приснился. Что-то жар не сходит совсем. На, вот, попей, теплое.

Анна поит Александра из кружки.

АЛЕКСАНДР. Аня, там ключи, под шифером, связка, от дома. Аня, переезжай ко мне, я в пристройку уйду, я мешать не буду. Вместе легче будет.

АННА. Тише, Сашенька, тише. Отдал ты уже мне ключи, отдал, вчера вечером, как я пришла сразу и отдал. Ты всю ночь бредил, все про какой-то колодец, отца звал. Кошмар приснил?

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Да, наверное, не помню... Так ты переедешь?

Анна молчит.

АЛЕКСАНДР. Переедешь, Аня?

АННА. Саша, послезавтра дом придут смотреть, куда я перееду? Я тут с большего твои вещи собрала... деваться нам некуда, Сасик...

АЛЕКСАНДР. Разбирай вещи, куда мы отсюда не уйдем. Все будет, я деньги нашел. Пусть подавятся, а дом я им не отдам.

АННА. Где же ты их нашел, столько денег-то?

АЛЕКСАНДР. Не важно. Где нашел, там больше нет. Главное, что дом за нами останется. Так что собирай вещи, Анечка.

АННА. Ляг, ляг, успокойся, Саша. Это жар, слышишь, температура. Потерпи, аптеки не работают – выходные. Я завтра с утра сбегаю, куплю, все. Все будет. Ляг, тебе лежать нужно.

АЛЕКСАНДР. Потом наложимся. Иди вещи собирай, чтобы они пришли, а мы деньги эти им в рожу кинем.

АННА. Нельзя так, Саша, они все же сестры нам.

АЛЕКСАНДР. Я не спорю. Сестры... Да какие они нам сестры после этого?!

Анна молчит.

АЛЕКСАНДР. Молчишь? А я не стану. Где же это видано, чтобы родные сестры так поступали?

Анна молчит.

АЛЕКСАНДР. Снова молчишь, Аннушка, святой ты человек. Да только нельзя так, понимаешь, нельзя так с нами поступать, не по-родственному это! Отец говорит, чтобы дом мы им не отдавали!

АННА. Господи, Сашенька, какой отец, ляг, ты бредишь, у тебя жар.

АЛЕКСАНДР. Да не брежу я! Снился он мне. Говорит, чтобы ни в какую не отдавали. Вот и не отдадим. Я обиды на них держать не стану, и отец говорит, что нельзя. Пусть приезжают, когда захотят, дом большой все поместимся. Забуду, все забуду. Забуду. Колодец вычистить надо, нельзя чтобы вода в колодце мутнела. Чистая вода должна быть, чистая.

АННА. Господи...

Анна прикладывает руку ко лбу брата.

АННА. Господи, горячий совсем. Я сейчас, Саша...

Анна быстро выходит.

АЛЕКСАНДР. Берешь лестницу, лопатку, ведро, щетку железную. Воду всю вычерпываешь и пошел щеткой по стенкам. Особенно где верхний слой воды, там самая грязь на стенках. А на дне самая муть – ил, листики всякие, мусор, в общем. Лопаткой в ведро аккуратно собрал, прямо до родной чистой земли. Если надо, то и земли немного снять. Да, а если надо, то и земли немного снять, пару сантиметров, чище будет. Чистая вода должна быть, чистая.

Возвращается Анна, в руках ее миска и мокрое полотенце. Она кладет полотенце Александру на голову, из миски достает губку, натирает его.

АННА. Сейчас полегчает, Сашенька.

АЛЕКСАНДР. Воду вычерпываешь и пошел щеткой по стенкам...

АННА. Молчи, молчи, дорогой, нельзя тебе...

АЛЕКСАНДР. Особенно где верхний слой, слышишь, там самая грязь...

АННА. Сейчас легче станет...

АЛЕКСАНДР. Чистая вода должна быть, чистая. На дне ил, мусор, лопаткой собрал, прямо до родной земли...

АННА. Сашенька, я сейчас скорую вызову... потерпи, сейчас.

Анна быстро выходит.

АЛЕКСАНДР. Если надо, то и земли немного снять... немного земли, родной.

Из соседней комнаты слышен голос Анны.

АННА. ... Да, сильный жар. Первомайская 12... Да, частный сектор. 43 года. Брат родной. Клименко Александр Дмитриевич... Девушка, пожалуйста... да, жду...

Александр неподвижно лежит в кровати, глаза его закрыты.

АЛЕКСАНДР. Да, а если надо, то и земли немного снять, пару сантиметров, чище будет. Чистая вода должна быть, чистая....

Картина 6.

Анна сидит у стола смотрит на портрет родителей. Входит Александр с ведром воды.

АННА. А зачем к колодцу ходил, в кране вода есть.

АЛЕКСАНДР. Привыкнуть ни как не могу.

АННА. Значит, зря вы с отцом трубы тянули?

АЛЕКСАНДР. Я один, мне много не надо. А лишний раз во двор выйти, кости размять, только на пользу. Мать была, так это понятно для кого трубы тянули. А сейчас мне эта вода...

Александр выливает воду в раковину.

АЛЕКСАНДР. Как колодец почистил, так вода, как кристальная. Все лучше, чем из крана.

АННА. Конечно... конечно...

Александр сидит рядом с Анной, смотрят на портрет родителей.

АЛЕКСАНДР. Ничего, сейчас все решим.

АННА. Хоть бы... Ты главное не очень-то... не ругайся ни с кем.

АЛЕКСАНДР. Да не собираюсь я. Зачем мне это нужно.

АННА. Вот и хорошо... Саш, я думаю детей из детдома взять. Двух. Девочку и мальчика. Будет пятеро, как нас.

АЛЕКСАНДР. Святая ты Анька.

Александр встает, целует сестру в лоб. Достает сигареты.

АННА. Не кури в доме, люди придут, а тут накурено. Детей перевезу, так вообще не позволю.

АЛЕКСАНДР. Святая ты Анька, но строгая.

Смеются. Александр убирает сигареты.

АННА. Мне бы только работу нормальную найти, чтобы опекунство без проблем оформили.

АЛЕКСАНДР. Ничего, оформят.

Пауза.

АННА. Сейчас все разъедутся, и опять десять лет никого не увидим.

АЛЕКСАНДР. Им не надо, а мне тем более.

АННА. Саша, прекрати.

АЛЕКСАНДР. Да я ничего. Спокоен.

Александр встает, ходит по комнате.

АННА. Спокоен он. Сядь, Сашка.

АЛЕКСАНДР. Не сидится что-то... Ань, мы же их по-другому вырастим, а? Ведь правда? Я им как за отца буду, Анька. Разрешишь? Крестным, а? Дядя Саша, а?

АННА. Разрешу. Ты и так им дядя Саша.

АЛЕКСАНДР. А для этих, которых не взяли еще – нет, правильно? Ты представь, лежат они сейчас себе в своих кроватках и не знают о том, что скоро их усыновят, или удочерят, что семья у них будет. Сопят сейчас спокойно... Или знаешь как – они сейчас спят, а ты им снишься. И они во сне бегут к тебе и кричат: мамочка-мамуля. А ты на коленки приседаешь и руки разводишь, чтобы всех разом обнять.

АННА. Выдумщик ты Сасик, как маленький.

АЛЕКСАНДР. А разве это плохо?

АННА. Конечно нет.

Анна встает, обнимает брата.

Слышно, как к дому подходят люди.

АННА. Пришли. Я прошу тебя, давай спокойнее.

АЛЕКСАНДР. Ладно тебе. Ты главное молчи.

В дом входят Наталья, Людмила с Олегом, Зина.

Наталья наигранно вдыхает воздух.

НАТАЛЬЯ. Запах тот же. Как в детстве. Привет!

АЛЕКСАНДР. Здравствуй. Привет всем.

ЗИНА. Привет-привет от старых штиблет.

ЛЮДМИЛА. Привет.

Олег протягивает руку Александру, тот с радостью пожимает ее.

АЛЕКСАНДР. Ну, что, сколько лет вы тут не были?

ЛЮДМИЛА. Ой, и не спрашивай. Сколько лет прошло, Господи...

НАТАЛЬЯ. А все как вчера...

АННА. Так, а где люди, что дом буду смотреть?

ЗИНА. Задерживаются.

АЛЕКСАНДР. Не хорошо, не солидно.

ЗИНА. Они люди серьезные – могут себе позволить.

АННА. Значит, будем ждать. Садитесь, чего вы стоите.

Все рассаживаются, наступает неловкая пауза. Какое-то время все сидят молча. Олег встает.

ОЛЕГ. Я выйду, покурю.

ЛЮДМИЛА. Только курил же, сколько можно?

ЗИНА. Пусть курит, чего тебе?

ЛЮДМИЛА. Зина. *(Олегу)* Иди, кури, надоел уже.

ОЛЕГ. Да ладно...

Олег садится.

НАТАЛЬЯ. Портрет у родителей красивый. Надо себе отсканировать.

ЛЮДМИЛА. Мне тоже такой надо сделать.

ЗИНА. Да сделаете еще, сейчас все что угодно делают, не проблема.

Снова повисает неловкая пауза.

АЛЕКСАНДР. Так на какую сумму вы договорились?

ЗИНА. Я им сказала пятьдесят пять.

АННА. Дорого, наверное.

НАТАЛЬЯ. Ничего не дорого. Как раз чтобы поторговаться.

АЛЕКСАНДР. А чего торговаться? Дом стоит, земля есть, сад, все отлично.

ЛЮДМИЛА. Сашка, так всегда делается, специально накручивают, чтобы потом свое взять.

АЛЕКСАНДР. А ты меня не учи, не маленький. Надо было тысяч семьдесят пять просить. Как раз по пятнадцать штук получили бы.

ЗИНА. Ты в каком городе живешь? В Париже что ли? Кто тебе тут даст семьдесят пять?

ОЛЕГ. Можно было на аукцион выставить. А начальную цену поставить сколько надо. Тогда бы вообще ничего не потеряли.

ЛЮДМИЛА. А мы и не собираемся ничего терять.

АЛЕКСАНДР. Дом.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Дом потеряем.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Родительский дом.

НАТАЛЬЯ. Ладно тебе, Саша, уже все решили, так чего теперь эти разговоры разводиться?

АЛЕКСАНДР. Да это я так... напомнить.

ЗИНА. Не надо никому ничего напоминать.

НАТАЛЬЯ. Решили, значит решили.

АЛЕКСАНДР. А тебе, я вижу, не терпится денежки в руках подержать? Фотографию она решила отсканировать. Что-то поздно ты проснулась.

АННА. Саша, не надо так, мы же договаривались.

ЗИНА. О, они еще о чем-то договаривались!

АЛЕКСАНДР. Если вы договорились, почему нам нельзя?

АННА. Да ни о чем мы не договаривались. Хватит ругаться.

АЛЕКСАНДР. Хорошо, а если я так спрошу: если я захочу дом купить, мне продадите?

ЛЮДМИЛА. Ой, не могу, Сашка.

ЗИНА. Вы слышали?

НАТАЛЬЯ. Сашка, ты чего?

АЛЕКСАНДР. Если я сейчас перед вами на стол деньги положу, продадите мне дом?

ЗИНА. Где ты их возьмешь? Танк продал что ли, солдатик?

НАТАЛЬЯ. Нет, братец, мы со своих денег не берем.

АЛЕКСАНДР. Я серьезно спрашиваю. Наташка, если я перед тобой пятьдесят тысяч положу, отдашь мне документы?

Пауза.

АННА. Он серьезно.

Пауза.

ЛЮДМИЛА. И мы серьезно.

ОЛЕГ. Что ты тут нам цирк устраиваешь?

АЛЕКСАНДР. А это дело вообще не твое. Так что не лезь.

ЛЮДМИЛА. Как это не его, он – мой муж.

АННА. А он – твой брат. Забыла?

АЛЕКСАНДР. Аня, не надо, я сам поговорю. Итак, Наташа, Люда, Зина, если я даю вам пятьдесят тысяч, отдаете мне дом или нет?

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Хорошо. Сделаем так.

Александр идет к шкафу, вынимает из него сверток, кладет его на стол.

АЛЕКСАНДР. Вот. Здесь даже больше, наверное. По идее, мы должны вам дать по десять и разойтись, но раз мы родственники, так забирайте все.

Зина тянется к деньгам.

АЛЕКСАНДР. Руки! Я еще ответа не услышал.

Пауза.

НАТАЛЬЯ. Саша, ты что, больной, где ты их взял?

АЛЕКСАНДР. Это не ваше дело.

ЛЮДМИЛА. Украл? Откуда у тебя такие деньги, говори.

АЛЕКСАНДР. Повторяю – это не ваше дело. Так отдаете мне дом или нет?

ЗИНА. Деньги покажи.

АЛЕКСАНДР. Деньги перед тобой.

НАТАЛЬЯ. Братик... ты думаешь мне там хорошо живется, да я там на пособии сижу. Денег нам твоих не надо, верни их назад, продадим дом – поделим все поровну.

АЛЕКСАНДР. Деньги мои.

ЗИНА. Брат-то у нас олигарх оказывается. Точно – танк продал.

АННА. Зина, прекрати язвить.

ЗИНА. А почему бы мне не позвонить? Слышишь, что творится? Ты, Анька, сама в квартирке с тремя детьми ютишься, эта в Канаде впроголодь живет, я еле-еле концы с концами свожу, а этот такими деньжищами разбрасывается?

ЛЮДМИЛА. Я этих денег не возьму.

АЛЕКСАНДР. А почему нет? Какая вам разница?

ЛЮДМИЛА. Я этих денег не возьму.

Пауза.

ЗИНА. А я возьму, плевать я на все хотела.

АЛЕКСАНДР. Так, одна согласна. Остальные?

ОЛЕГ. Люда, что мы будем париться с бумажками этими? Сейчас все решим без проблем.

ЛЮДМИЛА. Ты, видать, и с матери последние трусы снимешь...

ОЛЕГ. А я что, я просто предложил.

ЗИНА. Да все правильно ты предложил, чего резину тянуть?

ЛЮДМИЛА. Зина, ты свое слово сказала.

ЗИНА. Я-то да, а вы что телитесь?

ЛЮДМИЛА. Брат перед тобой стоит, все-таки.

ЗИНА. Брат. Ты о брате сколько раз в год вспоминаешь? Одумалась она...

НАТАЛЬЯ. Сашенька что же ты из нас чудовищ каких-то делаешь?

Наталья закрывает лицо руками, плачет.

ЗИНА. Было б из-за чего слезы лить.

НАТАЛЬЯ. Сашка, я же тебе правду, я тебе все как есть. Я не говорила никому, а я развелась, бросил он меня. Я на пособие живу, в комнатке маленькой, была б моложе уже б проституткой стала, там, таких как я быстро в оборот пускают. На работу не берут, я там не нужна никому. Думала... думала приеду, дом продадим, хоть ненадолго, но хватит, если корку получить так хоть на работу устроюсь...

АЛЕКСАНДР. Так, а чего ты там сидишь, если ты там никому не нужна?

НАТАЛЬЯ. Сашка, а тут я кому нужна, тут мне что делать?

АННА. Дом – есть дом...

НАТАЛЬЯ. Да какой дом, Анечка? Мне сюда показываться стыдно. Все ж думают, что я там как сыр в масле, а тут...

Пауза.

Александр садится на стул, опускает голову.

АЛЕКСАНДР. Наташа, вот деньги. Они ваши. Оставь мне документы. Завтра все успокоимся, поедem и переделаем все на меня. А теперь уходите. Прошу вас.

Пауза. Наталья плачет.

ЗИНА. Да что думать!

Зина хватает сверток, Анна бросается к ней пытаясь вырвать его. Сверток рвется, на пол падают старые черно-белые фотографии.

ЗИНА. Да он нас обуть решил!

АЛЕКСАНДР. Не понимаю...

Александр падает на колени, поднимает фотографии.

АЛЕКСАНДР. Тут были деньги. Альберт сказал, что тут деньги. Деньги, пятьдесят тысяч!

ЗИНА. Ты смотри мразь какая, родных сестер...

АННА. Тут были деньги, он мне говорил...

ОЛЕГ. Ты их видела, эти деньги?

АЛЕКСАНДР. Тут были деньги! Он мне сам их дал, пятьдесят тысяч.

ЗИНА. Кто он?

АЛЕКСАНДР. Альберт, он мне дал пятьдесят тысяч!

ЗИНА. Какой еще Альберт?

ОЛЕГ. Тише вы, что вы разорались, итак все понятно.

Людмила подходит к брату, обнимает его.

ЛЮДМИЛА. Сасик, солнце мое, прости нас, дур... мамка с папкой вон смотрят, Сасик, прости.

АЛЕКСАНДР. Нет, тут были деньги.

Александр бросается к шкафу, начинает выкидывать с полок вещи.

АЛЕКСАНДР. Были деньги... сверток! Я не вру. Были, были деньги.

НАТАЛЬЯ. Это ужас какой-то, родной брат...

ОЛЕГ. Да, что ужас, хорошо, что он вас убить не решил ради этой халупы.

АЛЕКСАНДР. Заткнись, тут были деньги!

ОЛЕГ. Тебе в комиксы нужно было...

Александр бросается на Олега, но женщины успевают их разнять.

АЛЕКСАНДР. Я не вру. Тут были деньги, целый сверток, пятьдесят тысяч. Он не мог так поступить, не мог... Пустите меня, я ничего не сделаю.

Женщины отпускают Александра, он оседает на пол.

АЛЕКСАНДР. Что же это такое, Альберт? Что происходит?

Александр пытается собрать фотографии, но они выпадают у него из рук.

АЛЕКСАНДР. Что это такое, Альберт? Ведь были деньги? Ты слышишь? Альберт, вытащи меня отсюда, слышишь, вытащи!

Александр вскакивает, поднимает голову и руки вверх.

АЛЕКСАНДР. Вытащи меня отсюда! Слышишь меня? Альберт, вытащи меня, я больше не хочу! Альберт, вытаскивай меня, ты же здесь, рядом, я знаю, вытащи меня!

Александр кричит еще какое-то время, но замолкает, увидев взгляд сестер. Сестры в испуге расходятся в стороны. Александр теряет сознание.

Картина 7.

Александр в кабинете Альберта. Кабинет можно узнать только по цвету стен. Кроме стола и кресла Альберта в кабинете больше нет мебели. Александр медленно ходит по кабинету, подходит к зеркалу. В отражении он видит Альберта. Пауза.

АЛЕКСАНДР. Черт.

Александр резко отворачивается от зеркала, трет лицо руками.

АЛЕКСАНДР. Так-так... все нормально... так... сейчас...

Александр поворачивается к зеркалу, снова в отражении видит Альберта. Александр застывает на какое-то время.

АЛЕКСАНДР. Альберт...

АЛЬБЕРТ. Альберт...

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Александр...

АЛЬБЕРТ. Александр...

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Я Александр...

АЛЬБЕРТ. Я Александр...

АЛЕКСАНДР. Я Александр!

АЛЬБЕРТ. Я Александр!

АЛЕКСАНДР. Я Александр!!! Ты Альберт!!!

АЛЬБЕРТ. Я Александр!!! Ты Альберт!!!

АЛЕКСАНДР. Ты Альберт!!!

АЛЬБЕРТ. Ты Альберт!!!

АЛЕКСАНДР. Нет, я Александр, а ты Альберт, черт возьми!!!

АЛЬБЕРТ. Ты Альберт.

Александр бьет рукой в зеркало, но оно не разбивается.

АЛЬБЕРТ. Ты Альберт.

АЛЕКСАНДР. Я Александр!

Александр бьет рукой в зеркало, но оно не разбивается.

АЛЬБЕРТ. Ты Альберт.

Александр бьет рукой в зеркало, но оно не разбивается.

АЛЬБЕРТ. Аль-берт...

Альберт бьет рукой в зеркало, зеркало осыпается.

Александр какое-то время стоит в окаменении. Потом медленно садится за стол Альберта, закрывает голову руками.

В дверь входит Анна.

АННА. Здравствуйте, вы Альберт Вадимович?...

Александр молчит.

АННА. Извините, здравствуйте! Вы Альберт Вадимович?

Александр молчит.

Анна ждет какое-то время, потом поворачивается, собираясь уходить.

АЛЕКСАНДР. Да.

Александр поднимает голову, на глазах его видны слезы.

Анна поворачивается к нему.

АННА. У вас... у вас слезы...

АЛЕКСАНДР. Да... простите... просто у меня только что умерла дочь...

АННА. Я не вовремя... то есть мои соболезнования... простите, я пойду...

АЛЕКСАНДР. Пойдите.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. У вас пропал брат?

Пауза.

АННА. Да.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. Как это произошло?

АННА. Произошло что-то странное. Я не могу объяснить. Он очень переживал о продаже родительского дома. После... после смерти родителей, сестры решили продать его, но он был против. У нас большая семья... Извините, я сбиваюсь... так вот... он переживал о продаже родительского дома. Позавчера сестра должна была привезти покупателей, чтобы те посмотрели дом. Сасик...

АЛЕКСАНДР. Сасик?

Пауза.

АННА. Простите, Саша. Это его имя... так вот, перед их приездом, Саша захотел почистить колодец. Вы знаете, колодец – это гордость нашего дома, отец всегда следил за ним, к нам постоянно приходили соседи за водой... простите, я снова сбиваюсь...

АЛЕКСАНДР. Ничего, продолжайте, важны все детали.

АННА. В общем, колодец для него имел большое значение, я имею ввиду Сашу. Недавно он болел, была высокая температура, и он постоянно бредил, постоянно что-то говорил о колодце.

АЛЕКСАНДР. В бреду он разговаривал с кем-то конкретным?

АННА. Я не могу сказать... может быть он говорил с отцом...

Пауза.

АННА. Отец был для него... я не знаю, как это сказать... понимаете, Саша остался в армии только для того, чтобы показать отцу, что он мужчина. Он младший в семье, нас еще четыре старших сестры, и отец всегда был строг к нему, воспитывал его в ежовых рукавицах, так сказать.

АЛЕКСАНДР. Я понимаю. Вернемся к дню когда он пропал. Он пошел чистить колодец...

АННА. Да, он пошел чистить колодец... и пропал. Сначала мы не обратили внимания, подумали, что он просто не хотел видеть покупателей, но его нигде нет уже три дня...

АЛЕКСАНДР. У вас есть его фотография?

АННА. Да, конечно, я принесла.

Александр встает, выходит из-за стола, Анна передает ему фотографию. Александр долго смотрит на нее.

АЛЕКСАНДР. Папа...

Александр силой выталкивает Анну из кабинета, захлопывает дверь. Он мечется по комнате, потом резко ложится на стол.

АЛЕКСАНДР. Господи Боже наш, в Негоже веровахом, и Егоже имя паче всякаго имене призываю, даждь мне, ко сну отходяще, ослабу души и телу, и соблюди нас от всякаго мечтания, и темныя сласти кроме; устави стремление страстей, угаси разжжения восстания телеснаго. Даждь мне целомудренно пожити делы и словесы; да

добродетельное жительство восприемлюще, обетованных не отпадем благих Твоих, яко благословлен еси во веки. Аминь.

*Через несколько секунд Александр просыпается.
В комнату входит Дмитрич с ведром воды. Выливает воду в раковину.*

ДМИТРИЧ. Умывайся, рассвет скоро.
АЛЕКСАНДР. А зачем к колодцу ходил, в кране вода есть.
ДМИТРИЧ. Привыкнуть ни как не могу.
АЛЕКСАНДР. Значит, зря я батя, трубы тянул.

*Александр встает, умывается.
Дмитрич снимает ватник.*

ДМИТРИЧ. Полотенце вона. И это, на, вот, накинься.

*Александр вытирается, одевает ватник. Смотрит на отца. Дмитрич смотрит на сына, ухмыляется.
Оба долго молчат.*

АЛЕКСАНДР. Как это... И как это объяснить.
ДМИТРИЧ. Сон.
АЛЕКСАНДР. Мда... сон...
ДМИТРИЧ. Ой, подумаешь – отец приснился. Я ж не Сталин.
АЛЕКСАНДР. Ага.

Снова молчат.

ДМИТРИЧ. Пошли на улицу, покурим, на заре красиво покурить.

Дмитрич и Александр выходят во двор, садятся на лавочку. Закуривают. Молчат.

ДМИТРИЧ. Вот те раз, и поговорить значит не о чем?
АЛЕКСАНДР. Да я как-то и не знаю...
ДМИТРИЧ. Громче говори, подглуховат я.
АЛЕКСАНДР. Да не знаю я что говорить...
ДМИТРИЧ. А что тут знать? Как дела рассказывай, как служба.
АЛЕКСАНДР. Уволился я... как ты, это самое...
ДМИТРИЧ. Помер.
АЛЕКСАНДР. А... Ага.
ДМИТРИЧ. Понятно.
АЛЕКСАНДР. Бать, а это все, оно как?..
ДМИТРИЧ. Я ж говорю – сон!

*Пауза.
Александр вскакивает.*

АЛЕКСАНДР. Блин, да какой тут сон, ты же вот он сидишь!
ДМИТРИЧ. А что во сне бы не сидел?

Александр замирает. Дмитрич смотрит на него, ухмыляется. Александр снова садится рядом.

АЛЕКСАНДР. А... Ага.

ДМИТРИЧ. Эх ты, Сасик, Сасик... Колодец-то почистил?

АЛЕКСАНДР. Да я как-то не знаю... потерялся я, батя.

ДМИТРИЧ. Говорил почистить нужно было... Да ладно тебе, два часа времени потратить, чего насупился.

АЛЕКСАНДР. Да я не от этого.

ДМИТРИЧ. А чего тогда?

АЛЕКСАНДР. Я спросить хочу.

ДМИТРИЧ. Спрашивай, а я расскажу. Берешь лестницу, лопатку, ведро, щетку железную.

АЛЕКСАНДР. Да я не об этом. Ты меня любишь?

ДМИТРИЧ. От чудака-человек. Воду всю вычерпываешь и пошел щеткой по стенкам. Особенно где верхний слой воды, там самая грязь на стенках.

АЛЕКСАНДР. Ты меня любишь?

ДМИТРИЧ. А на дне самая муть – ил, листики всякие, мусор, в общем. Лопаткой в ведро аккуратно собрал, прямо до родной чистой земли.

АЛЕКСАНДР. Если надо, то и земли немного снять. Ты меня любишь?

ДМИТРИЧ. Да, а если надо, то и земли немного снять, пару сантиметров, чище будет.

АЛЕКСАНДР. Ты меня любишь?!

ДМИТРИЧ. Не ори на отца! Ишь ты, пасть он будет разевать! Конечно люблю.

Пауза.

Дмитрич лезет в карман телогрейки, достает папиросы, закуривает. Делает несколько глубоких затяжек, отдает папиросу Александру.

ДМИТРИЧ. Последняя... Дурак ты, так и не понял ничего...

АЛЕКСАНДР. Бать, а я где?

Дмитрич молчит.

АЛЕКСАНДР. Бать, я где?

ДМИТРИЧ. Здесь.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. А это все, оно есть?

ДМИТРИЧ. А почему нет?

АЛЕКСАНДР. А Аня есть?

ДМИТРИЧ. Есть.

АЛЕКСАНДР. А Наташа?

ДМИТРИЧ. И Наташа.

АЛЕКСАНДР. И Люда с Зиной?

ДМИТРИЧ. И они есть.

АЛЕКСАНДР. А Альберт?

ДМИТРИЧ. И Альберт... тебя сыночек нет... да это ничего, ничего, попривыкнешь... Ты покури, сотлела, вона, вся.

АЛЕКСАНДР. Я не понимаю...

ДМИТРИЧ. Тогда ходи голодный.

Пауза.

АЛЕКСАНДР. А ты здесь чего?

ДМИТРИЧ. Тебя встретить. Традиция такая – ждать долго, встречать сразу. Попривык, смотрю, уже?

АЛЕКСАНДР. Рассвет скоро... вставать пора...

ДМИТРИЧ. Пошли в дом, скоро все... проснутся.

Дмитрич заходит в дом. Слышно, как по полу шаркают его тапки. Через несколько секунд в доме загорается свет.

Александр какое-то время стоит. Разворачивается, заходит в дом.

Появляется Наталья. Останавливается. Заходит в дом.

Появляется Людмила. Останавливается. Заходит в дом.

Появляется Зина. Останавливается. Заходит в дом.

Появляется Анна. Останавливается. Заходит в дом.

Больше в дом ни кто не заходит. Свет в доме медленно гаснет.

Конец.

Минск 2012г.

Дмитрий Богославский.

Беларусь, Минск 220079

Ул. Бирюзова д.25 кв.15.

Dm.bgslvsk@gmail.com

моб. тел: +375295727919